

УДК 327
ББК 66.4(4/8)

DOI 10.22394/1682-2358-2023-4-28-35

B.G. Berdiyev, *post-graduate student of the Public Administration and National Security Department, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*

RUSSIAN FEDERATION POLICY IN THE SETTLEMENT OF INTERNATIONAL CONFLICTS IN THE MIDDLE EAST

The policy of the Russian Federation on Syria and the Middle East in general is considered. Relations with individual countries of the region are analyzed. Features of Russian policy in the Middle East to enable a dialogue with almost all parties to regional conflicts are revealed.

Key words and word-combinations: Russian conflict settlement policy, Syria, Russian peacekeeping activities, regional security, conflicts in the Middle East.

Б.Г. Бердиев, *аспирант кафедры государственного управления и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (email: 96berdiyev@gmail.com)*

ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УРЕГУЛИРОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Аннотация. Рассматривается политика Российской Федерации в отношении Сирии и Ближнего Востока в целом, а также отдельными странами региона. Выявлены особенности российской политики на Ближнем Востоке, позволяющей выстраивать диалог практически со всеми сторонами региональных конфликтов.

Ключевые слова и словосочетания: российская политика урегулирования, Сирия, миротворческая деятельность Российской Федерации, региональная безопасность, конфликты на Ближнем Востоке.

Ближний Восток — один из наиболее конфликтогенных регионов мира. Основу его конфликтогенности составляют ряд факторов: внутрицивилизационный раскол между шиитами и суннитами; искусственность многих государственных границ, проведенных при расчленении Османской империи после Первой мировой войны; неза-

вершенность нациестроительства при сохранении архаичности сознания с его приверженностью к насилию; непрекращающийся, несмотря на усилия международных посредников, палестино-израильский конфликт и другие. Не способствовали снижению конфликтности и внешние силы, пытающиеся распространить свое влияние на Ближний Восток. Так было в периоды Первой и Второй мировых войн, «холодной войны» и после ее окончания, когда регион погрузился в зону нестабильности и превратился в мощнейший очаг международного терроризма, что ставит перед мировым сообществом и учеными-международниками задачи по нормализации ситуации.

Сирийский кризис является следствием перечисленных факторов и угрожает не только стабильности Ближневосточного региона, но и геополитическим интересам России, так как Сирия — единственная страна на Ближнем и Среднем Востоке, где сохранились российские военные базы. Кроме того, стратегическое партнерство России и Исламской Республики Иран предполагает сотрудничество по сохранению так называемого «шиитского пояса», важнейшим элементом которого является Сирия, управляемая алавитами. Необходимо также учитывать геополитические интересы США и стран Запада, Израиля, Турции, монархий Персидского залива, Китайской Народной Республики, имеющих в отношении Сирии свои интересы, отличающиеся от российских.

К проблеме конфликтности на Ближнем Востоке, в Сирии и к российской политике урегулирования данных конфликтов обращалось множество как отечественных, так и зарубежных исследователей. Проблемы конфликтности на региональном уровне анализировались такими глубокими теоретиками, как А.И. Абалян [1], И.В. Рыжова и М.Ю. Бородина [2], И.В. Шумилина [3] и другие.

Значимыми работами, посвященными вопросам «арабской весны», ставшей новым этапом дестабилизации региона, являются издания последних лет: «Ближний Восток: “Идеальный шторм”» [4], «Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше?» [5], «Арабский кризис и его международные последствия» [6]. Анализ научной литературы, в которой изучается роль Российской Федерации в урегулировании Ближневосточного конфликта на примере участия в разрешении Сирийского кризиса, позволяет сделать ряд выводов.

История российского присутствия на Ближнем Востоке насчитывает несколько веков — с конца XVII в. она была связана с противодействием Османской империи на Балканах и в Черноморском регионе. По мере расширения владений на юг Российская империя столкнулась с Персией; воспользовавшись ее слабостью, Россия и Великобритания разделили некогда могущественную Персидскую державу на россий-

скую и британскую сферы влияния. Позиционируя себя в качестве защитницы мирового христианства, Российская империя активизировала свою «мягкую силу» на Святой Земле, где вступила в противоречие не только с Османской империей, но и с европейскими державами (что привело к Крымской войне 1853—1856 гг.). Желание получить Босфор и Дарданеллы наряду со стремлением защитить славян на Балканах способствовало вступлению России в Первую мировую войну.

Советская Россия, а затем и Советский Союз рассматривали Ближний Восток как зону своих геополитических интересов, стремились осуществить экспорт революции в Иране, сотрудничали с турецким лидером Кемалем Ататюрком, в 1941 г. ввели войска в Северный Иран. После окончания Второй мировой войны Советский Союз пытался сделать форпостом социализма на Ближнем Востоке Государство Израиль, но после его геополитической переориентации на США стал поддерживать международную антиизраильскую коалицию из арабских государств и Организацию освобождения Палестины. Противостояние в «холодной войне» с США заставило СССР искать союзников и на Ближнем Востоке. В результате ряд арабских стран (Алжир, Ливия, Египет, Сирия и Йемен) выбрали путь социалистической ориентации. Поддерживались отношения и с теми арабскими странами, которые не желали быть вассалами США и придерживались политики многовекторности (Королевство Иордания, Йеменская Арабская Республика и др.). Развивались отношения и с Ираном, — шахским, и исламистским, нуждавшимся в расширении своих международных контактов.

После поражения СССР в «холодной войне» и его распада Российская Федерация как правопреемница Советского Союза ослабила поддержку арабских друзей СССР, но восстановила дипломатические отношения с Израилем, установила дипломатические отношения с консервативными режимами государств Персидского залива и расширила сотрудничество с Ираном, особенно в ядерной сфере. Продолжилась традиция участия в урегулировании палестино-израильского вооруженного конфликта в роли координатора.

Сегодня российские государственные интересы на Ближнем Востоке исходят из комплекса многих факторов. Целесообразно определить и раскрыть основные термины и понятия.

Геостратегические интересы формируются исходя из реалий России как великой державы. Без участия России невозможно ни победить международный терроризм, ни достичь решимости эффективного контроля за нераспространением ядерного оружия, в том числе из-за способности России выступать посредником в урегулировании как внутри, так и межгосударственных конфликтов. Россия сохраняет более или менее нормаль-

ные отношения практически со всеми сторонами ближневосточных конфликтов — с Израилем и Палестиной, с шиитами и суннитами, с курдами и турками, с Ираном и монархиями Персидского залива. По сравнению с Украиной, где внутренние противоречия и политика внешних сил привели к столкновению Российской Федерации и государств Запада, Ближний Восток остается площадкой для координации усилий обеих сторон.

Региональные интересы России включают необходимость противодействия ряду серьезных вызовов (международный терроризм, политика западных стран по смене режимов), курса на развитие торговли, обеспечения доступа к инвестициям, выхода на рынок вооружений, формирования сотрудничества в рамках ОПЕК. Важное значение имеет и фактор внутренней стабильности самой России, где 12% населения исповедуют ислам.

К направлениям ближневосточной политики России относятся следующие важнейшие цели: обеспечение безопасности и надежности обороны, строительство Большой Евразии и создание внешних условий для перехода на новый технологический уклад в России.

К инструментам ближневосточной внешней политики России относятся: политическое взаимодействие, сотрудничество в военно-технической сфере, торгово-экономическое взаимодействие, научно-техническое сотрудничество в энергетическом секторе.

Внутренний вооруженный конфликт — именно так Международный комитет Красного Креста квалифицировал в 2012 г. события в Сирийской Арабской Республике [7], подчеркнув, что боевые действия в Сирии осуществляются между вооруженными группировками и правительственными силами страны.

Международный вооруженный конфликт — ситуация, при которой «вооруженные силы одного государства атакуют вооруженные силы другого государства на территории этого государства, а объектами атаки становятся военные цели» [8]. Такое заявление было сделано МККК после американского ракетного обстрела 7 апреля 2017 г. сирийской авиабазы Эш-Шайрат.

Политика России на Ближнем Востоке с момента начала «арабской весны» характеризовалась равноудаленностью от каждой из сторон конфликта, стремлением содействовать мирному диалогу власти и оппозиции. Так, на массовые протесты в Тунисе 2010–2011 гг., вызвавшие бегство президента из страны, последовала довольно сдержанная реакция Министерства иностранных дел России. Российской стороной позитивно были оценены победа на парламентских выборах умеренных исламистов и избрание президентом Республики правозащитника Монсефа Марзуки. Схожей была реакция и на массовые протесты в Египте 2011 г., которые привели президента Хосни Мубарака

к отставке. Как и в Тунисе, Россия признала итоги парламентских (2011–2012) и президентских выборов, где победу одержали бывшие «Братья-мусульмане» и Мухаммад Мурси.

Нейтральной была реакция России и на массовые выступления в Бахрейне. Несмотря на то что бахрейнские власти ущемляли права шиитов, составляющих 60% населения страны, Москва не стала выносить протест против ввода туда вооруженных формирований из суннитских стран: КСА и ОАЭ.

Приверженность России принципам уважения норм международного права, суверенитета и территориальной целостности государств проявилась и во время событий в Йемене. Когда в йеменской столице во время массовых протестов произошли столкновения народа и полиции, Российская Федерация выступила за отставку Али Абдаллы Салеха с предоставлением ему гарантий безопасности. Поддержала Москва и предложение ССАГПЗ о посредничестве в урегулировании конфликта, как и мирную передачу власти Абд-Раббу Мансору Хади — вице-президенту страны. Однако тот не справился с управлением впавшей в политический кризис страной, и Йемен вскоре погрузился в пучину гражданской войны.

Во время Ливийского кризиса 2011 г. Российская Федерация вместе с западными странами поддержала резолюцию СБ ООН № 1970, вводящую санкции против режима Каддафи, и не воспользовалась правом вето при голосовании по резолюции СБ ООН № 1973 от 17 марта 2011 г., что позволило Североатлантическому альянсу поддержать оппозицию. Однако, после того как действия натовской авиации «вышли за рамки резолюции», Российская Федерация обвинила страны Альянса в «чрезмерном применении силы». Но ее дипломатические усилия по реализации йеменского сценария мирной передачи государственной власти в Ливии потерпели неудачу. Оппозиционные силы в августе вошли в Триполи, а 1 сентября их Национальный переходный совет был официально признан Российской Федерацией единственным легитимным органом государственной власти в Ливии.

Вместе с тем сирийская политика России уже качественно отличалась от политики в отношении «арабской весны» в восточных государствах. Причины крылись как в смене президентов в России (на смену Д.А. Медведеву пришел В.В. Путин), так и в высоком уровне сложности сирийского конфликта, в котором проявился ряд особенностей формирующейся системы международных отношений. Дело в том, что к 2012 г. внутрисирийская оппозиция перестала играть ведущую роль в борьбе с режимом Б. Асада. На первый план вышли финансируемые извне исламистские группировки и эмигрантские оппозицион-

ные структуры, что обусловило глобальность конфликта в Сирийской Арабской Республике.

Глобальность конфликта в Сирии обусловлена рядом причин. Первая из них — политическая. В силу слабости и нежизнеспособности внутрисирийской оппозиции ей пришлось ради продолжения борьбы присоединиться к внешнеполитической повестке стран-спонсоров. В результате внутренний революционный процесс был перехвачен внешними силами.

Следующая причина носит конфессиональный характер. Руководимый суннитами-баасистами Ирак, выполняющий роль противовеса шиитскому Ирану, в результате американского вторжения впал в коллапс, что нарушило конфессиональный баланс на Ближнем Востоке. По оценке Е.М. Примакова, «...начали вырисовываться контуры “шиитского пояса” от Ирака через Иран, Сирию до Ливана. Сирия, возглавляемая алавитским меньшинством населения, рассматривается чуть ли не как важнейшее звено, без которого непрерывность “пояса” будет нарушена» [9, с. 27–28]. Именно поэтому, по мнению В.В. Наумкина, «необычайно высокий уровень враждебности баасистскому режиму Дамаска со стороны правителей суннистских аравийских монархий... объяснялся не только тем, что у руководства страной фактически стояли представители не совсем точно причисляемой к шиитскому толку ислама секты алавитов, но и тем, что он всегда рассматривался как главная опора в арабском мире и их основного шиитского соперника — Ирана» [5, с. 10].

Еще одной ключевой причиной, обуславливающей глобальность конфликта в Сирийской Арабской Республике, стало противостояние России и США. Москва, имевшая тесные экономические и культурные связи с Сирией, а также средиземноморскую базу материально-технического обеспечения ВМФ России в Тартусе, была вынуждена начать действовать более решительно. Понимая, что дестабилизация САР приведет к нарушению этноконфессионального баланса в регионе и перспективам свободного проникновения террористических банд в мусульманские регионы России, российские представители в ООН заблокировали три антиасадовские резолюции СБ ООН. Россия применила вето по следующим причинам: 1) из-за несбалансированности резолюций, обвиняющих исключительно сирийское руководство; 2) опасения реализации ливийского сценария странами Североатлантического альянса против Сирии. В то же время, продолжая линию международного посредничества, Россия неоднократно приглашала за стол переговоров как представителей государственной власти, так и оппозицию, в том числе и на уровне Совета безопасности ООН. Серьезные

подвижки к диалогу предпринял и Башар Асад, пойдя на ограничение полномочия БААС, отменив действующий с 1963 г. режим чрезвычайного положения, и объявив референдум по изменению конституции и выборы в представительные органы власти.

Для российской политики в Сирии, в отличие от политики США и их союзников, характерны регионализация и ориентация на взаимодействие с местными политическими силами. По оценке Е. Степановой, «...регионализация ближневосточной политики России продолжает развиваться по трем основным направлениям:

1) новые виды и области регионального влияния России, особенно в экономической сфере и в области управления конфликтами за пределами Сирии;

2) качественный сдвиг от ориентированного главным образом на Запад подхода к более регионально-центристскому подходу к Ближнему Востоку — тенденция, отличная от простой диверсификации региональных контактов России, которая продолжается уже много лет, и более стратегически значимая;

3) выявление и более активное отстаивание собственных интересов России в партнерствах на Ближнем Востоке, требующие определенного веса в регионе, который Россия сейчас приобрела» [10, с. 9].

Конфликт в САР показал, что США и страны Запада утратили монополию на механическую смену режимов без оглядки на цивилизационную составляющую. В результате инициативу по работе с политической оппозицией перехватили региональные державы (КСА, Турция, Катар, Иран и др.), владеющие знанием местной специфики, что, однако, размыло ценностно ориентированную установку оппозиционной деятельности, превратив боевые действия в Сирии в часть региональной политики каждого государства.

Россия, не стесненная идеями гегемонизма и блоковой солидарности, эффективно взаимодействовала со всеми участниками сирийского вооруженного конфликта, стремясь сохранить государственную целостность Сирийской Арабской Республики, вывести окончательно урегулирование кризиса в русло международного права и исключить развитие международного терроризма.

Таким образом, можно сформулировать ряд выводов.

Российское политическое присутствие на Ближнем Востоке имеет давнюю историю и прошло ряд последовательных этапов: имперский, советский и постсоветский (современный).

В настоящее время при формировании и реализации ближневосточной политики Россия, исходя из собственных реалий в качестве великой державы, активно отстаивает в регионе свои национальные интересы,

борясь с международным терроризмом, стремясь к взаимовыгодному сотрудничеству со всеми странами региона, активно участвуя в миротворческой деятельности.

Россия сохраняет определенные дружественные отношения практически со всеми сторонами ближневосточных конфликтов, что позволяет ей выступать посредником в урегулировании как внутри региона, так и в межгосударственных конфликтах.

Равноудаленность от каждой из сторон конфликта в период «арабской весны» и стремление содействовать мирному диалогу государственной власти и оппозиции в условиях активного воздействия на политический процесс США и Ирана не способствовали стабилизации положения в регионе. Именно поэтому при урегулировании сирийского конфликта России пришлось уйти от равноудаленности и поддержать правящий режим Башара Асада.

Библиографический список

1. *Абалян А.И.* Анализ основных источников конфликтов в Ближневосточном регионе // ПОЛИТЭКС. 2013. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-osnovnyh-istochnikov-konfliktov-v-blizhnevostochnom-regione>
2. *Рыжов И.В., Бородина М.Ю.* Арабо-израильский конфликт: историческая ретроспектива, современное состояние и тенденции // Вестник ННГУ. 2013. № 6-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arabo-izrailskiy-konflikt-istoricheskaya-retrospektiva-sovremennoe-sostoyanie-i-tendentsii>
3. *Шумилина И.В.* Современный исламизм: что это значит для Ближнего Востока и остального мира? // США – Канада: экономика, политика, культура. 2017. № 5. С. 86–93.
4. *Филатов С.* Ближний Восток: «Идеальный шторм» // Международная жизнь. 2023. 28 февр. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/664>
5. *Наумкин В.В., Попов В.В., Кузнецов В.А.* Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше. М., 2012.
6. Арабский кризис и его международные последствия / под общ. ред. А.М. Васильева; отв. ред. А.Д. Саватеев, Л.М. Исаев. М., 2014.
7. Внутренние конфликты и другие ситуации насилия – какая разница для жертв? / интервью с Кэтрин Лаванд / Международный комитет Красного Креста: официальный сайт. 2012. 10 дек. URL: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/interview/2012/12-10-niac-non-international-armed-conflict.htm>
8. *Nebehay S.* Exclusive: Situation in Syria constitutes international armed conflict – Red Cross // Reuters. 2017. 7 Apr. URL: <http://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-syria-redcross-idUSKBN17924T>
9. *Примаков Е.М., Наумкин В.В., Попов В.В.* [и др.]. Ближневосточный курс России: исторические этапы // Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше? М., 2012.
10. *Stepanova E.* Regionalization as the Key Trend of Russia's Policy on Syria and in the Middle East // Russia's Policy in Syria and the Middle East: Determination, Delight, and Disappointment. CAP Paper №. 212. 2019. Jan.